

Педантичная отличница и неуправляемая бунтарка годами делили первое место в рейтинге Академии. Но разрушительная дуэль связывает их нерушимым заклатьем, отправляя в пыльные архивы. Разбирая древние свитки, соперницы натываются на смертоносный заговор. Теперь им придется либо найти общий ритм в язвительных спорах, либо потерять свободу навсегда.

Аня · Теория несовместимости

Аня Теория несовместимости

Педантичная отличница и неуправляемая бунтарка годами делили первое место в рейтинге Академии. Но разрушительная дуэль связывает их нерушимым закатьем, отправляя в пыльные архивы. Разбирая древние свитки, соперницы натываются на смертоносный заговор. Теперь им придется либо найти общий ритм в язвительных спорах, либо потерять свободу навсегда.

Аня • Теория несовместимости

Аня Теория несовместимости

*Лере —
моей вечной сопернице по всем олимпиадам
и лучшей подруге навсегда.*

Твоя Аня

Содержание

1	Теорема о разбитых витражах.....	3
2	Карточки и можжевеловый чай.....	16
3	Ночная рифма на двоих.....	28
4	Закон подпольного тотализатора	43
5	Анатомия идеального порядка	54
6	Цена сожженных черновиков.....	66
7	Симфония чистого пламени.....	76
8	Теория несовместимости.....	89

ГЛАВА I

Теорема о разбитых витражах

Октаэдр лазурного света развернулся в морозном воздухе с сухим стеклянным щелчком. Аня даже не сбила дыхание: кисть в кожаном наруче двигалась по вы-

веренной траектории, чертя в пространстве грани с точностью до десятой доли миллиметра. Силовые нити Созидания сплелись в безупречную кристаллическую решетку, отсекая половину дуэльного круга.

— Пункт устава тринадцать дробь два гласит: минимальная дуэльная дистанция третьей категории составляет не менее шести ярдов, Смирнова, — ровно произнесла Аня, глядя поверх мерцающего сапфирового ребра. — Сделай милость, отойди на положенное расстояние, пока комиссия не зафиксировала твое очередное позорное поражение по дисквалификации.

Аня

На противоположном конце сектора Лера только оскалилась. Ее форменный блейзер висел расстегнутым, ярко-желтые шнурки тяжелых ботинок резали глаз на фоне серого арендного камня, а на переносице вызывающе белел свежий пластырь.

— Засунь свой пункт в методичку, Кузнецова! — крикнула Лера и рванула вперед.

↗ Лера

Она не стала тратить время на разгон заклинаний из классической стойки. Припав к наледи, Лера заскользила по инерции, сокращая дистанцию за долю секунды. Пальцы в беспальных перчатках сжались в кулак, вокруг которого взревело сырое, багровое пламя Разрушения. Никаких геометрических матриц, никакой эстетики — чистый, неотесанный таран.

— Какая восхитительная бездарность, — процедила Аня сквозь зубы.

Она влила в октаэдр порцию резерва, укрепляя узлы. Лера ударила с разворота, снизу вверх, метя прямо в место пересечения нижних граней. Кулак впечатался в силовой щит со звуком разорвавшейся петарды. По лазурному стеклу побежали радиальные искры, но конструкция устояла. Леру отбросило на шаг назад, подошвы заскрежетали по обледенелому мрамору.

— Смотри и учись, отличница! — хрипло выдохнула Лера, и в ее глазах вспыхнул тот самый бешеный азарт, от

которого у любого вменяемого преподавателя дергался глаз.

Вместо того чтобы разорвать контакт, она вцепилась обеими руками в силовой контур. Пламя на ее ладонях сменило цвет с рыжего на едкий кармин.

Аня не собиралась отступать. Правила требовали фиксации противника, и она форсировала подачу лазури. Из граней щита выстрелили гибкие кристаллические ленты, метя в предплечья Леры, чтобы сковать их в неразрывный захват. Но Лера не стала уклоняться. Она лишь плотнее навалилась на барьер, вкачивая всю нестабильную массу Разрушения прямо в ядро чужой геометрии.

Стихии не должны были соединяться без компенсирующего круга. Их не учили этому на практических занятиях, потому что это считалось грубейшим нарушением техники безопасности первого класса. Сапфировый холод Созидания намертво сцепился с багровым жаром распада.

Воздух вокруг них завыл, превращаясь в гудящий вакуум. Морозный пар мгновенно испарился, уступая место запаху горелого кремня и озона.

— Смирнова, оборви канал! — крикнула Аня, чувствуя, как отдача начинает жечь кончики пальцев. — Обратная петля! Ты взорвешь оба контура!

— Сама сбрось свой забор, умница! — заорала Лера в ответ, упрямо стиснув зубы. — Я не сдамся первой!

Они крикнули одновременно. Это был синхронный, яростный крик двух упрямцев, ни одна из которых не могла позволить себе сделать шаг назад.

Лазурь и кармин сплывались в слепящую белую вспышку.

Высокие стрельчатые витражи дуэльного зала, зачарованные тремя столетиями защитных наговоров, не выдержали звуковой волны. Сверху обрушился сверкающий разноцветный град из осколков рубинового и кобальтового стекла. Но это было лишь началом. Векторы сил устремились не вверх, а вниз, находя слабейшую точку конструкции.

Столетние мраморные плиты арены вздулись пузырем, по ним паутиной расползлись черные глубокие трещины. Раздался протяжный, металлический скрежет лопнувших опорных балок.

— Твою же... — только и успела выдохнуть Лера.

Пол с оглушительным, утробным ревом провалился внутрь. Мир потерял опору. В плотном облаке известковой взвеси, хватаясь за пустоту и осыпаясь вместе с тоннами дробленого камня, Аня и Лера полетели в чернеющую бездну нижних уровней, прямо навстречу бесконечным рядам темных дубовых стеллажей.

Лера закашлялась, выплевывая смесь серой вековой пыли и каменной крошки. Правое плечо неприятно ныло, а на колене красовалась новая дыра, сквозь которую сочи-

лась кровь. Она с трудом сбросила с груди массивный том в переплете из свиной кожи, озаглавленный золотым тиснением: «Герменевтика энтропийных разломов».

— Прекрасно, — просипела Лера, поднимаясь на четвереньки. — Просто великолепное чтиво для приземления.

В двух метрах от нее, среди груды щебня и оторванных корешков, шевельнулась еще одна фигура. Аня поднималась медленно, с достоинством смертельно раненой королевы. Ее форменный блейзер был покрыт ровным слоем белой пыли, идеально уложенные темные волосы превратились в воронье гнездо, но лицо оставалось пугающе неподвижным. Она методично отряхнула манжеты, поправила наруч с перьями и уставилась на Леру взглядом, способным заморозить действующий вулкан.

— Ты. Ненормальная. Идиотка, — отчеканила Аня. Каждое слово падало, как свинцовое грузило.

— Да брось, ботаник! — Лера с вызовом сплюнула на расколотый гранитный пол подвала. — Кто же знал, что твои распрекрасные формулы рассыплются от обычного прямого давления? Надо было строить фундамент прочнее, а не цитировать методички под нос!

— Прямого давления?! — Аня сделала шаг вперед, сжимая кулаки так, что побелели костяшки. — Ты замкнула несовместимые фазы без заземления! Это курс общей безопасности за седьмой класс! Мы пробили несущее перекрытие двух этажей! Чисто теоретически, нас должны похоронить прямо здесь, потому что от нашего курса не останется даже пепла, когда завуч...

— Регламент исключает импровизацию, — раздался сверху сухой, монотонный голос, похожий на шелест могильных плит.

Пыль еще не осела, но сквозь зияющую дыру в потолке уже опускалась левитирующая платформа из полированной стали. На ней неподвижно застыл Валентин Смолин. Его графитовый сюртук был застегнут под самое горло, тонкие серебряные очки без оправы отражали тусклый свет магических светляков, а за спиной завуча мерцали латунные корпуса трех автоматов дисциплинарного корпуса. Пальцы Смолина в белоснежных перчатках подергивались с ритмичностью метронома.

Валентин Смолин

— Заместитель декана Смолин, — Аня мгновенно выпрямилась по струнке, вскинув подбородок, хотя голос предательски дрогнул. — Инцидент произошел вследствие непредвиденной детонации...

— Прискорбное отсутствие самообладания, — перебил Смолин, даже не повысив тона. Платформа мягко коснулась заваленного обломками пола. — Разрушение перекрытий первой категории. Осквернение Запретного архива. Нарушение тридцати четырех пунктов кодекса безопасности. Порядок требует жертв, а Академия требует чистоты. Ваши личные дела будут закрыты до захода солнца. Немедленное отчисление с лишением права на апелляцию.

Лера почувствовала, как внутри закипает глухая, колючая злость:

— Слышите, господин завуч! Это была учебная дуэль! Никто не виноват, что у вас перекрытия на соплях держатся!

— Молчи, Смирнова, — процедила Аня, не поворачивая головы, но плечи ее напряглись. Потеря места в Академии означала для нее конец всего. Буквально всего.

— А я не буду молчать! Если выгоняете — выгоняйте меня, она просто защищалась своими дурацкими чертежами!

— Меньше пафоса, девочки. И добавьте в свой спор сахара, от него связки смягчаются.

Софья Ракитина

Из-за покосившегося десяти-метрового стеллажа, шурша бархатным подолом, неторопливо вышла Софья Ракитина. На ее плечах висела изумрудная вязаная шаль, в руках дымилась старая эмалированная кружка, а круглые очки сидели на самом кончике носа. Главный архивариус окинула взглядом разгромленные полки, выбитые плиты и двух покрытых штукатуркой студенток, после чего невозмутимо отхлебнула травяного чая.

— Валентин, голубчик, — проскрипела Ракитина. — Ты, как всегда, готов сжечь амбар ради поимки одной мыши. Статья сто двенадцатая, примечание «Б». Напомнить?

Смолин слегка прищурился за шестиугольными стеклами:

— Софья Андреевна. Это чрезвычайное происшествие.

— Это возмутительное свинство, вот что это такое, — поправила его старуха, постучав ложечкой по кружке. — Они расколотили редчайший стеллаж поздней эпохи Реставрации. Кто будет разгребать эти завалы? Твои жестяные болваны? Они помнут свитки шестого века своими клешнями. По уставу — раз уж мы так любим устав — за порчу архивного фонда полагается семь дней исправительных работ под надзором хранителя.

Смолин медленно перевел взгляд с библиотекаря на замерших девушек. Его тонкие, бескровные губы искривились в холодном подобии усмешки.

— Семь дней разбора завалов, — произнес он, и пальцы в перчатках щелкнули. — Разумеется. Но в порядке исключения и в целях гарантированного контроля... вы обе выступите единой парой на открытии Межфакультетского Турника через неделю. Любая несогласованность приведет к дисквалификации и немедленному «волчьему билету». Для обеих.

Автоматоны за его спиной синхронно шагнули вперед.

Прежде чем Лера успела отскочить, механическая клешня метнулась к ее правому запястью. Холодный ме-

талл с сухим щелчком сомкнулся вокруг кожи. В ту же секунду точно такой же браслет, испещренный пульсирующими синими рунами подавления, защелкнулся на левой руке Ани.

Между их руками на мгновение натянулась тусклая призрачная цепь и тут же растворилась в воздухе, оставив на коже ощущение ледяных тисков.

— Дисциплинарная руническая связка, — ровно пояснил Смолин, поднимаясь обратно на платформу. — Попытка разойтись дальше чем на три метра вызовет болевой паралич. Попытка направить магию друг против друга — шок третьей степени. У вас ровно неделя, чтобы научиться соответствовать понятию порядка. Либо вы обе покинете эти стены навсегда.

Платформа с автоматами плавно устремилась вверх, в освещенный пролом потолка.

Лера дернула рукой. Боль в запястье отозвалась резким уколом, и Аня на другом конце невидимой нити дернулась следом, едва не потеряв равновесие.

— Мы не друзья, мы вынужденная коллаборация, — глухо, с яростной ненавистью прошептала Аня, глядя на свое сияющее запястье.

Лера потерла ноющий металл кандалов и зло сплюнула:

— Да хоть черти полосатые, Кузнецова. Только если из-за твоего занудства меня выпрут отсюда раньше финала — я лично скормлю тебе этот твой дурацкий блокнот. Поняла?

ГЛАВА 2

Карточки и можжевеловый чай

— Фолиант номер восемьсот сорок три, «Практическая трансмутация солей», шифр «дельта-семь», — стерильным тоном произнесла Аня, аккуратно выводя цифры в инвен-

тарном гроссбухе. Перо скрипело с размеренностью маятника. — Поставь его на третью полку слева. И ради всего святого, Смирнова, держи корешок вертикально. Это памятник письменности четырнадцатого века, а не кирпич на стройке.

Лера даже не шелохнулась. Сидя на верхней ступени массивной дубовой стремянки, она беспечно болтала ногой в тяжелом ботинке с ядовито-желтыми шнурками и с упоением насвистывала дурацкий трактирный мотив, популярный среди столичных контрабандистов. Рунический браслет на ее правом запястье мерцал тусклой лазурью, отзываясь на каждое движение левой руки Ани легким металлическим позвякиванием. Длина невидимого поводка составляла ровно три метра, и Лера, судя по всему, поставила себе задачу провести эти семь дней на отметке в двести девяносто девять сантиметров.

— Слышь, архивная моль, — хрипло отозвалась Лера, подбрасывая на ладони туго скрученный свиток с полустертой печатью из черного воска. — Если мы будем разглядывать каждую пылинку через твою лупу, нас отсюда вынесут вперед ногами аккуратно к моему тридцатилетию.

— Пункт устава тринадцать дробь два гласит: «Небрежное обращение с первоисточниками карается поражени-

ем в академических правах», — отрезала Аня, не поднимая головы от ровных колонок шифров. Чернила ложились безупречно, линия к линии, создавая иллюзию контроля над тем катастрофическим хаосом, в который превратилась ее жизнь сорок восемь часов назад. — Положи свиток. На. Место.

— А то что? — Лера фыркнула и с демонстративной небрежностью дернула пергамент за торчащий шнур, вытягивая его из узкой ниши между двумя разошедшимися томами. — Думаешь, древние колдуны кусают меня за нарушение твоей драгоценной системы? Смотри и учись, Кузнецова, как надо ускорять...

Раздался сухой, ломкий треск, похожий на звук разрываемой кости.

Из расщелины между полками вырвалось густое, сизое облако вековой пыли, пахнущее жженым волосом и гнилой медью. Лера замерла, но было поздно: потревоженный сгусток охранной магии, дремавший в темноте пару столетий, с жадным воем втянул в себя обрывки старых каталожных карточек, сухие щепки и куски пергамента. Серая масса за секунду уплотнилась, обретая очертания чудовищного зверя — оскаленная пасть состояла из острых металлических переплетов, а вместо когтей на

широких лапах блестели бритвенно-острые железные закладки. Тварь издала оглушительный бумажный шелест, переходящий в инфразвуковой рык, и припала к полу для броска прямо на стремянку.

— Векторный щит! — среагировала Аня, бросая перо и резко вскидывая левую руку.

Пальцы уже чертили в воздухе строгую сапфировую геометрию поглощающего барьера, но в то же мгновение металл дисциплинарного браслета вспыхнул ослепительно-белым. Кожу обожгло яростным электрическим разрядом, от которого свело предплечье и онемели пальцы. Аня захрипела от неожиданной боли, сбивая руническую дугу.

Лера на стремянке дернулась от встречного удара током, едва не свалившись на чудовище. Ее зрачки расширились от чистой паники — внезапной, первобытной реакции на оскаленную пасть в полуметре от своих коленей.

— Твою же... Кузнецова, какого лешего твой браслет дерется?! — рывкнула Лера, пытаясь зажечь на ладони боевое пламя, но новая судорога скрутила запястье.

— Потому что ты паникуешь, идиотка! — сквозь сжатые зубы крикнула Аня, перехватывая ноющую левую руку правой. Металл пульсировал багровым: штрафная связка

Смолина считывала эмоциональный разрыв между ними как попытку взаимной атаки. — Пульс! Сбавь чертов пульс! Она реагирует на расхождение фаз!

Химера взревела, вздымая тучи колкой известки, и рванулась вперед, целя железными когтями в свисающую ногу Леры.

Времени на академические лекции не оставалось. Аня сделала глубокий, ледяной вдох, заставляя себя выключить страх и включить чистую логику метра и ритма.

— Смотри на меня! — приказала она голосом, в котором не осталось ничего, кроме звенящей стали. — Дыши по квадрату! Раз, два, вдох!

Лера, повиснув на перекладине стремянки и замахиваясь тяжелым ботинком на летящую тварь, ошалело моргнула, встречая жесткий, буравящий взгляд отличницы.

— Ты сдурела?!

— Раз, два, выдох! Смирнова, держи темп, иначе нас обоих поджарит этот ошейник! Раз, два, вдох!

Лера шумно втянула носом пыльный воздух, подстраиваясь под резкий, чеканный счет Ани. Один удар сердца. Второй. Напряжение между их запястьями на доли секун-

ды ослабло; острая электрическая боль сменилась ровной, тупой пульсацией.

— Синхронный выпад, — выдохнула Аня, уже не сомневаясь. — Я ставлю решетку, ты вбиваешь ее внутрь. На счет три!

Они одновременно закатили глаза — настолько зеркально, слаженно и с такой неподдельной взаимной ненавистью к происходящему, что рунический браслет на мгновение ослеп, не зафиксировав ни единой капли эмоционального сопротивления. Багровое свечение металла сменилось ровным, почти теплым утасаживающим янтарным отливом.

— Раз! Два! — крикнула Аня.

Ее рука очертила безупречный полукруг. Из кончиков пальцев брызнули лазурные нити, сплетаясь в жесткую кристаллическую сетку прямо перед мордой прыгнувшей химеры. Зверь с размаху врезался в силовой каркас, намертво увязнув в перекрестьях Созидания.

— Три! — взревела Лера.

Оторвавшись от стремянки, она вложила всю массу тела в сокрушительный удар обеими ногами. Кованый мысок армейского ботинка, усиленный вспышкой Разру-

шения, пришлось точно в переносицу чудовища. Раздался треск ломающегося картона, и скованная конструктом тварь полетела назад, с грохотом впечатавшись в заднюю стенку нижнего дубового стеллажа. Магический морок осыпался горстью безвредного серого пепла.

Но старая мебель не выдержала встречного импульса. Массивная дубовая панель толщиной в два пальца с сухим хрустом раскололась пополам, вывалившись внутрь потайного пространства, которого не было ни на одной схеме архива.

— Какая восхитительная бездарность, — пробормотала Аня, привалившись плечом к уцелевшей стойке стеллажа и пытаясь унять дрожь в пальцах. — Ты едва не разнесла архивную единицу первой категории редкости.

— Зато я вбила эту кошачью морду прямо в историю, ботаник, — ухмыльнулась Лера, утирая со щеки полосу сажи тыльной стороной ладони. Глаза ее, впрочем, уже горели совсем другим огнем — тем самым азартом уличного карманника, от которого у дежурных патрульных начиналась мигрень. — Гляди-ка сюда. Твой драгоценный устав ничего не говорил про тайные норы в мебели?

Не дожидаясь ответа, Лера опустилась на колено и бесцеремонно просунула руку в зияющую дыру расколотой панели.

— Смирнова, прекрати! — Аня невольно сделала шаг вперед, ведомая натянувшейся призрачной цепью связи. — Статья двадцать семь: «Несанкционированное проникновение в служебные полости архива влечет за собой...»

— Да заткнись ты со своими статьями хоть на пять минут! — Лера с усилием потянула что-то на себя. Раздался глухой скрежет металла по камню, и на свет божий явился продолговатый пенал из полированной оружейной стали.

На узкой латунной защелке темнели остатки сорванной сургучной печати. Личный оттиск Смолина — треугольник, вписанный в шестеренку, — трудно было спутать с чем-то другим.

Аня осеклась. Голос разума требовал немедленно отнести находку Ракитиной, запереть шкаф и написать объяснительную записку в трех экземплярах, но где-то под ребрами уже вспыхнул и запульсировал тот самый неукротимый исследовательский голод, ради которого она вообще переступала порог Академии. Завуч никогда не хранил рабочие документы вне своего бронированного сейфа в ректорате. Если этот пенал лежал здесь, под толщей полувековой пыли, значит, его содержимое не предназначалось для посторонних глаз в принципе.

Лера щелкнула защелкой. Крышка откинулась с легким звоном.

Внутри, на подложке из истлевшего черного бархата, покоился тяжелый хроно-компас из тусклого серебра. Три вложенных друг в друга кольца были покрыты микроскопическими гравировками ментальных рун, а стрелка в фор-

ме расколотого зеркала беспокойно подергивалась, указывая куда-то в сторону Главной арены. Под артефактом лежала стопка тонких, хрустящих листов плотного пергамента, перевязанных шнурком из сыромятной кожи.

Аня, забыв о дистанции, склонилась над плечом Леры. Ее тонкие пальцы сами потянулись к верхней странице.

— «Проект „Омонимия“», — медленно прочитала Аня шепотом, чувствуя, как немеет язык. — «Методология принудительного подавления личностных флуктуаций у нестабильных адептов стихийного резонанса». Это... это не академическая программа. Это черновик карательного протокола.

— Пыль веков врать не умеет, девочки. А вот люди — с величайшим удовольствием.

Они синхронно вздрогнули и взметнулись на ноги. Браслеты едва не щелкнули разрядом, но удержались на грани.

Из полумрака соседнего прохода, неслышно ступая мягкими туфлями, вышла Софья Ракитина. В ее руках покачивался закопченный медный чайник, от которого поднимался густой, терпкий пар с ароматом можжевельных ягод и сушеной мяты. Очки хранительницы по-прежнему

висели на кончике носа, а лицо оставалось абсолютно спокойным, словно обнаружение секретных тайников завуча происходило здесь во время каждого полдника.

— Софья Андреевна, мы не... мы случайно... — начала Аня, автоматически выпрямляя спину и пряча руки за спину.

— Чай остынет, — невозмутимо оборвала ее Ракитина, ставя чайник на край уцелевшего стола и доставая из кармана шали три разномастные фаянсовые чашки. — Наливайте. Можжевельник отлично прочищает мозги от лишнего благоговения перед начальством.

Она щедро плеснула темного, почти черного отвара в чашки, даже не взглянув на вскрытый стальной пенал. Лера прищурилась, недоверчиво разглядывая старуху:

— Вы знали, что он здесь лежит?

Ракитина сделала маленький глоток, прикрыв глаза от удовольствия:

— В этом архиве нет ни одной щели, о которой я бы не знала, девочка. Вопрос лишь в том, у кого хватит ума найти нужное и наглотси — прочитать до конца. Ты ведь не остановилась на названии, Смирнова? Добавьте сахара, если горчит.

Лера сглотнула внезапно пересохшим горлом и снова опустила взгляд на развернутые бумаги. Ее пальцы перевернули титульный лист с грифом высшей секретности.

Подробная схема подключения артефакта к центральной трибуне Турнира. Графики резонанса. И приложенный список.

Ровный, каллиграфический почерк Смолина вывел ровно двенадцать фамилий студентов, подлежащих так называемой «коррекции воли» прямо во время финальной церемонии через пять дней.

На самой первой строчке, обведенное чернилами двойным кругом, четко и безжалостно значилось: «Смирнова Валерия, факультет Разрушения. Уровень угрозы — критический. Подлежит первоочередному реформатированию».

ГЛАВА 3

Ночная рифма на двоих

Ночь пахла влажным черноземом, прелыми побегами и грозой, запертой под стеклянным куполом. Старая оранжерея астрорастений напоминала скелет гигантского кита, выброшенного на крыши Академии: пере-

плетенные чугунные ребра, выбитые витражи и лиловый звездный плющ, жадно обвивавший ржавые трубы отопления. Днем сюда никто не заглядывал, а по ночам патрульные автоматы лениво обходили периметр стороной — уровень остаточного фона здесь зашкаливал за все допустимые уставом нормы.

Именно поэтому Аня выбрала это место. Ей требовалась абсолютная, хирургическая тишина. Нужно было перенести тринадцать октав резонанса из черновика в боевую матрицу, пока призрачная цепь на запястье не напомнила о том, что ее личное пространство сократилось до трех чертовых метров. Сейчас связка дремала, повиснув тонкой сизой нитью: Лера, по идее, должна была спать в северном крыле, куда их временно отселили на время отработки. Но цепь не натягивалась. Значит, Смирнова была где-то здесь. В радиусе броска гранаты.

Аня бесшумно раздвинула светящиеся заросли лилового плюща. Холодные кожистые листья скользнули по шее, оставляя на коже фосфорный след. Она уже приготовила дежурную порцию сарказма насчет полуночных блужданий, но слова застряли на языке.

Из глубины заброшенного центрального зала доносились глухие, смазанные удары. И тяжелое, хриплое дыхание загнанного зверя.

Аня замерла в тени лопнувшей чугунной колонны.

Посреди зала, освещенная только бледным сиянием лунных лилий, двигалась Лера. Без форменного кителя, в одной взмокшей майке-алкоголичке, с растрепанным хвостом, из которого выбились светлые пряди. Ее пальцы были затянuty в старые беспальные перчатки с потрескавшимися руническими накладками. Перед ней стоял деревянный тренировочный болван — весь в зазубринах, копоты и свежих сколах.

Но Лера не жгла его пламенем Разрушения. Она делала нечто совершенно немыслимое для своего факультета: пыталась выстроить защитный купол Созидания.

На перевернутом цинковом ведре лежал толстый, варварски растрепанный том «Основ геометрической стабилизации» авторства профессора Вальца. Страницы были заложены щепками и огрызками карандашей. Лера вытянула левую руку, пальцы мелко дрожали, выписывая в воздухе медленную, тягучую дугу. Из кожи вырвалась лазурная искра, закружилась спиралью, пытаясь замкнуть

окружность... и с сухим треском лопнула, осыпав ее запястье едким серым дымом.

— Сука, — яростно, сквозь зубы выдохнула Лера.

Она не остановилась. Не сделала паузы даже на то, чтобы сдуть с мокрого лба челку. Снова замах. Снова попытка поймать чужой, несвойственный ей ритм заземления. Плечи напряжены до судороги, локоть задран слишком высоко. Конструкт снова осыпался пеплом, и Лера с глухим рычанием врезала обтянутым кожей кулаком прямо в лоб манекена. Дерево загудело. На костяшках сквозь рези перчатки проступила кровь.

— Если ты пытаешься очаровать это полено своей фирменной грацией бульдозера, Смирнова, то спешу разочаровать: даже у дуба есть стандарты, — произнесла Аня ровным, стерильным голосом, выходя из-за плюща.

Лера вздрогнула всем телом, резко крутанулась на пятке, и ее правая рука инстинктивно полыхнула багровым. Увидев Аню, она с шипением погасила огонь, сжимая кулаки так, что побелели суставы. Глаза ее горели темным, злым блеском.

— Ты за мной следишь, зануда? — прохрипела она. Дыхание сбивалось, майка на груди ходила ходуном. — За-

няться нечем? Поди конспекты свои пересчитай, вдруг страницу недоучила!

— Чисто теоретически, следить за тобой бессмысленно: ты производишь столько шума, что даже глухой сторож определит твои координаты с точностью до миллиметра. И к твоему сведению, локоть надо опускать на два пальца ниже. Ты ломаешь вектор нисходящего потока. Какая восхитительная, эталонная бездарность.

— Да пошла ты со своими векторами!

Сорвав с руки пропитанную потом перчатку, Лера со всей дури швырнула ее в Аню. Кожаный комок просвистел в воздухе, но Аня даже не шелохнулась — перчатка с мокрым шлепком ударилась о чугунную стойку в паре сантиметров от ее виска.

— Очень зрело. Истинный триумф стихийного мышления, — процедила Аня, делая резкий шаг вперед. Ей отчаянно хотелось срезать эту невыносимую гордыню парой безупречных формулировок, доказать, что физика магии не прощает дворовых замашек. Но под ногой предательски хрустнул узловатый корень реликтового астропопоротника.

Равновесие подвело. Аня нелепо взмахнула руками, пытаясь удержаться, но каблук форменной туфли соскользнул на мокрой брусчатке. Она едва успела сгруппироваться, чтобы не приложиться затылком о бордюр, и приземлилась на колени среди осколков цветочных горшков.

Из расстегнутой карманной прорези форменного блейзера выскользнула небольшая книжица в потертом черном ледерине. Переплет раскрылся веером прямо у ног Смирновой.

Аня похолодела. Чернила на страницах еще не просохли.

— Не трогай, — голос сорвался на опасный, колющий фальцет.

Лера, уже набравшая в грудь воздуха для ядовитого пассажа о неуклюжих отличниках, замерла. Ее взгляд скользнул вниз. Вместо привычных таблиц или занудных конспектов лекций Смолина на бумаге плотными, летящими строками были выведены буквы. Они складывались в строфы, перечеркнутые резкими стрелками примечаний, ввинчивались в геометрические чертежи печатей, образуя сложный, невероятный узор.

Прежде чем Аня успела подняться, Лера нагнулась и подхватила блокнот двумя пальцами.

— Смирнова, отдай. Немедленно. Это... это не то, что ты думаешь, — Аня вскочила, но не посмела броситься вперед: браслет на руке предостерегающе потеплел. Лицо горело невыносимым, унижительным жаром. Ее словно раздели донага на плацу перед всей Академией.

Лера не засмеялась. Не скривила губы в победной ухмылке. Она медленно перевернула страницу, ее палец тронул свежую строчку, и в глазах цвета болотного вереска мелькнуло странное, ошеломленное узнавание.

— «Разомкни латунный свод, пропусти сквозь ребра стужу...» — тихо, с хрипотцой прочитала Лера. Ее голос в пустой гулкой оранжерее прозвучал непривычно мягко, потеряв всю уличную резкость. — «Если пламя жаждет пить, выпусти его наружу».

Аня замерла, вжав голову в плечи. Она ждала хохота. Ждала, что Смирнова сейчас ткнет пальцем в эти неровные, исповедальные рифмы и растопчет их тяжелым армейским ботинком с неоновым шнурком. Но тишина под стеклянным куполом стояла хрупкая, словно тонкий лед на лужах в октябре.

— Это не просто стихи, да? — Лера подняла глаза от страницы. На ее переносице темнел знакомый пластырь, а на скуле алела свежая ссадина. — Это... ритмическая раз-
вертка. Для заклинания пятого круга.

— Какая разница, — Аня отвернулась к разбитому вит-
ражу, пряча пылающие щеки в темноту. Пальцы судорож-
но комкали край темно-синей юбки. — Можешь смеяться.
Давай, Смирнова. Скажи, что лучшая ученица курса стро-
чит сопливые вирши, потому что не способна держать
стандартные матрицы из учебника. Мы ведь не друзья, мы
вынужденная коллаборация. Так что валяй, добавь это в
свой арсенал шпилек.

Лера шумно выдохнула через нос. Блокнот не полетел
на пол. Вместо этого послышался глухой, размеренный
стук.

Раз. Два. Раз. Два.

Лера подошла к толстой водопроводной трубе, покры-
той пятнами ржавчины, и стала мерно отбивать ладонью
ритм. Тот самый. Тот, который Аня выстукивала пальцами
по парте бессонными ночами, когда формулы из академи-
ческих фолиантов душили ее своей мертвой, неповорот-
ливой тяжестью. Четырехстопный ямб с синкопой на тре-
тьем слогe.

— Ты дура, Кузнецова? — совершенно спокойно спросила Лера. В ее голосе не было яда — только странная, колючая усталость. — Этот чертов размер... он же идеально ложится на пульсацию огненного выброса. Я три часа бьюсь об этого истукана, потому что у меня искра гаснет раньше, чем я успеваю ее закрепить. А тут... она же сама дышит.

Аня медленно опустила руки. Плечи, привычно сведенные судорогой идеальной осанки, чуть расслабились. Она посмотрела на Леру — по-настоящему, без привычной оптической линзы академического превосходства. Увидела разбитые в кровь костяшки, тени под глазами от непроходящей бессонницы и тот же самый застарелый, глухой страх, который терзал ее саму: оказаться недостаточной. Быть вычеркнутой.

— Нас учат, что магия — это геометрия, — тихо сказала Аня, глядя под ноги, где сиреневые лепестки лилий прилипли к ее туфлям. — Линии, углы, градусы смещения. Если ты ошибешься на миллиметр в чертеже, тебя назовут бездарностью. Отец присылает мне письма с выписками моих оценок за семестр. Там только цифры, Лера. Ни одного слова. Если я получу хотя бы одну «четверку», меня просто перестанут замечать.словно меня нет. Формулы душат меня. А стихи... они держат удар. В них есть воздух.

Лера молча протянула ей блокнот. Ее ладонь была горячей и жесткой, пахнувшей серой и сухим можжевельником.

— Ну так дай мне этот воздух, ботаник. Покажи строчку.

Аня неверяще моргнула, но взяла блокнот. Перевернула исписанный лист на третью страницу. Пальцы больше не дрожали.

— Четвертая строфа. Это перекрестный резонанс. Я даю структуру — холодный контур. Ты наполняешь его теплом, но держишь паузу между вторым и третьим ударом. Смотри и учись, Смирнова. Повторять не стану.

— Ой, напугала ежа голым задом, — фыркнула Лера, но встала в полупозицию, как положено по боевому уставу, чуть присогнув колени.

Аня сделала глубокий вдох. Ее голос зазвучал негромко, но чисто, заполняя звонкое пространство заброшенной теплицы:

— «Пусть камень спит, но провод помнит ток...»

Она вытянула ладонь вперед, и из пальцев соткалась безупречная лазурная паутина, повисшая в воздухе хрупким хрустальным цветком.

— «...И в темный час пробьется стебелек», — подхватила Лера с неожиданной, почти пугающей точностью.

Она не стала бить кулаком. Она просто выдохнула, отпуская пламя не разрушительным взрывом, а тонкой струйкой багряного жара. Огонь коснулся лазурных нитей, и вместо привычного треска и копоты лепестки налились мягким, ровным ультрамариновым светом. Волна тепла мягко окатила оранжерею. Засохшие лиловые плющи на чугунных балках зашевелились, расправляя сморщенные листья, а руническая связка на их запястьях — тот самый ошейник Смолина — вспыхнула ровным, безмятежным золотом, словно дорогой ювелирный браслет. Ни удара током. Ни боли. Только абсолютное, безупречное совпадение частот.

Они стояли посреди мерцающего сада, не опуская рук, и смотрели на то, что только что создали вдвоем.

— Ни хрена себе, — выдохнула Лера. Ее губы растянулись в широкой, мальчишеской улыбке. — Мы с тобой только что... заставили траву цвести? Мы? Огонь и мороз?

— Пункт устава сорок два дробь шесть запрещает не-санкционированное ускорение вегетации, — машинально пробормотала Аня, но в ее темных глазах впервые за дол-

гое время блеснула не язвительность, а чистый, детский восторг. — Но... да. Мы это сделали.

Спустя полчаса они сидели на широком треснувшем карнизе под проломом в крыше, свесив ноги наружу, в прохладную пустоту ночного двора. Звезды казались неестественно близкими. Лера достала из кармана брюк мятую жестяную кружку и термос, свинченный, судя по всему, с кухни общежития. Напиток был горьким, пах пылью и жженым сахаром, но обжигал горло удивительно приятно.

— Твой чай — редкостная отравка, Смирнова.

— Пей молча, Кузнецова, пока не отобрала. Это стратегический запас Разрушителей.

Они передавали кружку друг другу, стараясь не дергать рукой, чтобы не натягивать золотисто тлеющую цепочку. Дистанция в три метра сейчас казалась не наказанием, а странным, непривычным щитом от всего остального мира.

Идиллия продлилась ровно до тех пор, пока прямо над их головами не раздался истошный скрежет сминаемого железа.

С сухим щелчком вылетели заклепки, круглая решетка вентиляционной шахты с грохотом сорвалась с петель и рухнула в кусты белладонны. Из черного квадратного жерла воздуховода, отчаянно дрыгая ногами в широких вельветовых штанах, вниз головой вывалился человек. Он зацепился подтяжкой за торчащую арматуру, качнулся маятником и с глухим «ой!» шмякнулся на кучу прелого торфа.

Из его карманов веером брызнули латунные шестеренки, пружины и мелко исписанные пергаментные квитанции подпольного тотализатора.

Миша Голубев

— Голубев?! — Лера чуть не выронила кружку, свешиваясь с карниза. — Ты какого черта летаешь по трубам в три часа ночи?

Миша судорожно втянул воздух, пытаясь нащупать на носу съехавшие круглые очки. Одно стекло треснуло паутинкой, рыжие кудри были густо пересыпаны сажей и паутиной, а лицо блее мела.

— Только без фамилий! — нервно, захлебываясь шепотом, выпалил он, дико озираясь на выбитую дверь оранжеи. — Если нас поймают, меня тут не было, ясно? Ставки сделаны, но дело дрянь! Полная дрянь!

Аня соскочила с карниза, мягко приземлившись на носки рядом с ним. Лера спрыгнула следом, привычно спружинив на тяжелых подошвах.

— Миша, дыши нормально, — приказала Аня, хватая его за плечо. — Что стряслось?

— Смолин! — Голубев вцепился пальцами в рукав ее блейзера, оставляя чернильные разводы. Глаза за линзами метались, полные первобытного ужаса. — Он поднял ночной караул! Автоматоны третьего контура... они прямо сейчас вошли в жилой сектор! Завуч приказал прочесать спальни нарушителей, вскрыть все личные сундуки и изъять бумажные архивы до единого листка! Они ищут твои записи, Аня! Они идут сюда!

ГЛАВА 4

Закон подпольного тотализатора

Пыль в вентиляционном коробе пахла мышиным пометом, окисленной медью и многовековым пренебрежением к санитарным нормам. Аня ползла на четве-

реньках, стиснув зубы так, что ныли скулы. Каждый метр давался с боем: манжеты безукоризненной форменной рубашки уже превратились в половые тряпки, колени ныли сквозь тонкую ткань юбки, но хуже всего были звуки сзади.

— Смирнова, — процедила Аня, не оборачиваясь, но посылая в спину идущей следом разрушительнице концентрированный импульс яда. — Твои подкованные копыта звучат как артиллерийский обстрел. Сними их.

— Еще чего, — сипло отозвалась Лера, скрежеща подошвами по рифленой жести. — Чтобы я осталась босиком в этой крысиной норе? Ты мне потом новые чулки купишь, Кузнецова? Ползи быстрее, не создавай пробку.

— Если ты не прекратишь лязгать шнурками, я прива-рю твои подошвы к потолку. Чисто теоретически. Ради акустического комфорта экспедиции.

Впереди, судорожно извиваясь угрем в своих необъятных вельветовых штанах, шуршал Миша. Из его бездонных карманов каждые пять метров с мерзким звяканьем выпадали то гайка, то шестеренка.

— Тише вы! — взмолился он, оборачиваясь и едва не сбивая носом паутину. Очки сидели на его кончике носа

под углом сорок пять градусов. — Пожалуйста! Если нас накроют в техническом рукаве, это не просто исключение. Это урановые рудники. Без права переписки! Ставки на то, что мы доживем до утра, принимаются уже один к двадцати!

— Заткнись и ползи, букмекер, — бросила Лера, но шаг все же сбавила, пригибаясь ниже.

Они ввалились в просторную полость технического коллектора через проржавевшую решетку. Здесь хотя бы можно было разогнуться. Аня встала в полный рост, с брезгливым вздохом отряхивая колени, но пальцы уже привычно легли на жесткий кожаный наруч со стилусами. Запретный архив Нижнего яруса дышал снизу сыростью и масляным чадом.

В ту же секунду за их спинами со скрежетом захлопнулась стальная шторка аварийного шлюза. Тяжелый засов встал на место с гильотинной четкостью.

— Ой, — пискнул Голубев, вжимаясь спиной в холодные трубы. — Ловушка обратного давления. Нас заперли.

Из полумрака туннеля, где переплетались толстые кабели в свинцовой оплетке, выдвинулся монолитный силуэт. Два с лишним метра полированной оружейной стали,

литые шарниры и единственный циклопический окуляр на груди, мерцающий мертвенным серым светом. Автоматон третьего контура. Заводские протоколы Смолина: устранение любых биологических объектов, не обладающих преподавательским допуском.

Машина издала низкий гидравлический гул. Манипуляторы, оканчивающиеся зазубренными клешнями, разошлись в стороны, и между ними затрещали фиолетовые дуги дуговых разрядников.

— Только без фамилий! — взвизгнул Миша, пытаясь ногтями расковырять запертую решетку. — Меня тут вообще нет, я фантомная галлюцинация!

Автоматон шагнул вперед, поднимая правую клешню для залпа. В узком каменном мешке молния отразилась бы от стен и поджарила всех троих за полсекунды.

Лера не стала ждать расчетов траектории. С глухим гортанным рыком она сорвалась с места, выставив вперед руки. Латунные пластины на ее беспалых боевых перчатках вспыхнули малиновым жаром. Фиолетовый снап электричества ударил ей точно в ладони; металл взвыл, воздух за-

пахло озоном и паленой кожей, но Лера лишь присела на одно колено, удерживая чудовищный напор чистой кинетики за счет собственной ярости. Мышцы на ее шее натянулись канатами.

— Аня! — прохрипела она сквозь зубы. — Я долго не сдержу! Контур поплыл!

Паники не было. Был холодный, стерильный щелчок в висках — состояние, когда формулы перестают быть чернилами на бумаге и становятся физической плотью. Аня выбросила руку вперед, пальцы раскрылись веером, вычерчивая в сыром воздухе синие светящиеся дуги.

— Четвертый ямб, Смирнова! — крикнула Аня звонко, чеканя каждый слог, как удар молота по наковальне:

Разбей металл, замкни дугу,

Не уступай удар врагу!

Слова легли на вибрацию силового поля с математической точностью шестереночной передачи. Лера уловила паузу между вторым и третьим ударом сердца, шумно втянула носом раскаленный воздух и зажмурилась. Она не видела цели — она просто ударила туда, куда вел ее голос напарницы.

Золотистая связка на их запястьях натянулась струной, наливаясь ослепительным сиянием. Из сведенных вместе рук Леры вырвался не хаотичный сноп искр, а сфокусированный компрессионный таран — лазурно-багряный вихрь сжатого давления.

Удар пришелся точно в шейный сервопривод автомата. Железо смяло, как консервную банку. Окуляр брызнул осколками кварца, гидравлическая жидкость хлестнула по стенам черным фонтаном, и двухметровая туша с оглушительным металлическим грохотом рухнула на плиты, распадаясь на дымящиеся болты и разорванные поршни.

Эхо от взрыва покатилося по техническим трубам, отдаваясь гулкими ударами где-то в глубине коридоров.

— Какая восхитительная бездарность инженерной мысли, — выдохнула Аня, опуская руку. Пальцы мелко дрожали, но дыхание оставалось ровным.

— А я говорила, что грубая сила решает, — Лера вытерла тыльной стороной закопченной ладони нос, размазывая гарь по пластырю. Но глаза ее горели шальным торжеством. — Мы его разнесли, ботаник. В щепки.

— Вы его разнесли, — обреченно проскулил Миша, отлипая от стены и глядя на мигающие красные маяки аварийной системы, ожившие под потолком туннеля. — И подняли по тревоге весь западный сектор. Нам конец. Ставки аннулированы в связи с гибелью участников.

Они выбрались под колосники Большой Дуэльной Арены через ревизионный люк для осветительных кристаллов. Внизу раскинулась колоссальная чаша стадиона, погруженная в предрассветный полумрак. Лера осторожно

высунула голову из-за чугунной балки, вглядываясь в пространство под трибунами.

Ее пальцы невольно сжались на перекладине.

— Кузнецова, — тихо позвала она, и в ее голосе пропала вся привычная насмешливость. — Взгляни туда. Это же не штатная проводка.

Аня опустилась рядом на корточки, щурясь сквозь металлическую вязь решетки. От каждого зрительского сектора, от каждого каменного яруса, где через пять дней должны были сидеть сотни студентов и преподавателей, к центру арены тянулись толстые, мерцающие тусклым серебром магистрали. Они сходились под центральным дуэльным помостом, образуя исполинскую паутину, в узлах которой пульсировали рунические накопители.

— Это не просто решетка, — прошептала Аня, и Лера почувствовала, как напарница рядом застыла, словно окаменев. Тонкие пальцы отличницы впились в край балки. — Это расширительный контур ментальной абсорбции. Маркировка на кожных... седьмой запретный протокол.

— Переведи на нормальный язык, — потребовала Лера, не отрывая взгляда от центрального постамент, где уже

возвышался массивный латунный пьедестал с пустым гнездом наверху.

— «Омонимия» создана не для того, чтобы точно наказывать бунтарей вроде тебя, — быстро, сдавленно заговорила Аня. — Если Смолин активирует центральный кристалл во время финального резонанса Турнира, когда купол арены будет перегружен магией сотен людей... сеть сработает как единый ментальный проводник. Она выжжет эмоциональные центры у всех присутствующих разом. Студенты, Совет, гости... Он не просто хочет навести порядок. Он хочет превратить всю Академию в послушных автоматов. Стерильных. Лишенных сомнений.

— Ах ты ж старый ублюдок, — выдохнула Лера. Внутри нее словно сорвало клапан: багровая волна слепой, тяжелой ярости ударила в голову. Она уже поднялась на ноги, нашаривая в кармане боевые реагенты. — Я сейчас спущусь туда и разнесу к чертовой матери эти узлы. Пары термитных зарядов в центральную жилу хватит, чтобы эта дрянь сгорела до рассвета.

— Стой! — Аня резко дернула ее за рукав блейзера, заставляя пригнуться обратно. — Смирнова, включи остатки своего мозга! Это монолитная латунь! Ты только оплавившь изоляцию, поднимешь вой сирен, и тебя скрутят раньше, чем ты успеешь чиркнуть спичкой! Без неопровержимых доказательств Совет сочтет это актом обычного вандализма с твоей стороны! Нас просто казнят или запрут в карцере до конца дней!

— И что ты предлагаешь?! — зашипела Лера прямо ей в лицо, сверкая глазами. — Ждать, пока он засунет этот булыжник в гнездо и сделает из нас овощи на глазах у всего города?! За своих порву, ясно тебе? Я не позволю этой твари превратить нас в заводных кукол!

— Мы вернемся с документами! Мы покажем схемы Ракитиной, мы...

— Прискорбное отсутствие дисциплины, — раздался за их спинами сухой, монотонный голос, от которого воздух вокруг словно остыл на десяток градусов.

Лера резко развернулась, инстинктивно задвигая Аню себе за спину и вскидывая кулаки, охваченные мгновенно вспыхнувшим пламенем.

В трех шагах от них, на узком техническом мостике, стоял Валентин Смолин. Его графитовый сюртук был застегнут под самое горло, безупречно белые перчатки не хранили ни единой пылинки, а в тонких пальцах с размеренностью метронома покачивался тяжелый серебряный жезл инспектора. Из темноты за его плечами бесшумно выдвинулись четыре тяжелых автомата с опущенными разрядниками, полностью перекрывая единственный выход к вентиляции.

Ослепительный луч поискового прожектора с хрустом рассек полумрак, ударив белым безжалостным светом прямо в лица девушек.

— Регламент исключает импровизацию, адептка Смирнова, — произнес завуч, и его бесцветные глаза за шестигранными стеклами очков блеснули ледяной скукой палача. — А вы обе только что исчерпали лимит снисхождения.

ГЛАВА 5

Анатомия идеального порядка

Черный коленкоровый переплет трещал под сухими пальцами Смолина. Звук выходил мелким, гадким,

похожим на хруст высыхающих жучиных крыльев под дошвой.

Завуч стоял под сводами Запретного архива, куда их выволокли автоматы конвоя. Здесь пахло сырым известняком, перекишим клеем и машинным маслом, капавшим с литых шарниров конвойных машин. Голубева отсекали еще в шлюзе — пискнувшего паренька уволокли двое железных истуканов, оставив на ступеньках сиротливо поблескивать свинченную гайку.

Аня стояла навтыжку. Подбородок задран под идеальным углом, плечи развернуты, темно-синий блейзер с намертво застегнутыми форменными пуговицами держал каркас тела вместо позвоночника. Губы побелели настолько, что казались нарисованными мелом. Но пальцы на правом манжете, там, где пустые гнезда кожаного наруча тосковали по стилусам, сжались в деревянные щепки.

Смолин перевернул страницу. Белая перчатка скользнула по строчкам, написанным летящим, нервным почерком — почерком, который Аня прятала ото всех шестнадцать лет своей жизни.

— «Рассыплется свод на хрустальные грани, когда замолчит механический хор...» — бас завуча тек мерно, тягуче, обволакивая полки с фолиантами удушливой серо-

стью. Он интонировал нарочито фальшиво, с издевательской паузой перед каждым слогом, превращая живой ритм в нелепую школярскую считалку. — «Мы встретим удар без щитов и признаний, и пеплом осядет бессмысленный спор».

Смолин поднял холодные сланцевые глаза поверх шестигранных стекол.

— Поэтическое графоманство с ярко выраженным деструктивным уклоном. Какая прискорбная ментальная расхлябанность, адептка Кузнецова. И вы всерьез полагали, что вербальные колебания подобного низкопробного толка способны служить гармонизатором резонанса? Порядок требует жертв, но прежде всего он требует отказа от столь постыдного солипсизма.

Аню словно выставили на плац без одежды. Каждое слово завуча стегало мокрым ремнем по обнаженным нервам. Горло свело судорогой, слова устава встали поперек гортани, обращаясь в пыль. Ей хотелось упасть сквозь плиты пола, исчезнуть, стереться из списков курса, лишь бы не слышать, как эти губы пачкают строки, которые она выдыхала в подушку глухими ночами.

— Захлопни пасть, чучело в эполетах! — хриплый, бешеный лай Леры разорвал сырую тишину архива.

Смирнова рванулась вперед с такой яростью, что латунная руническая связка взвыла натянутой тетивой, полоснув обеих по запястьям. Автоматон за ее спиной лязгнул клешней, пытаясь прижать девчонку к полу, но Лера извернулась, сплюнула кровавую слюну и попыталась всадить обитый железом носок армейского ботинка прямо в безупречный подол смолинского сюртука.

— Не смей трогать ее вещи своими мерзкими культями! — орала Лера, тяжело хрипя, с растрепанным хвостом и безумными зелеными искрами в глазах. — Слышишь меня, бюрократ плешивый?! Ты эту дрянь на Арене строил не ради Академии, ты просто трус, который до усрачки боится любого, кто умеет дышать без твоей команды! Верни блокнот, мразь!

— Адептка Смирнова. Неизлечимый рецидив асоциального бешенства, — ровно констатировал завуч, даже не отступив на шаг от летящего в него ботинка. Он лишь слегка повернул кисть левой руки.

Тяжелый серебряный перстень с гравировкой перечеркнутого круга тускло сверкнул.

Черный стальной ошейник, защелкнутый на шее Леры еще при задержании, отозвался сухим щелчком часового механизма. Раздался тонкий, отвратительный свист. Внут-

тренний обод выпустил дюжину тончайших серебряных игл, которые мгновенно впились в шейные позвонки и основание черепа, пережимая узлы циркуляции магической силы.

Лера не вскрикнула — из ее горла вырвался лишь глухой, булькающий стон. Огонь, плясавший на ее боевых перчатках, захлебнулся, оставив после себя едкую струйку серого чада. Ее ноги подогнулись, словно перерубленные под коленями, и она с размаху рухнула на камни, судорожно скребя пальцами плиты. Латунь перчаток бессильно скрежетала о гранит. Ее лицо стало пепельным, губы дернулись, пытаясь поймать воздух, но энергоканалы захлопнулись наглухо, выжигая тело фантомным холодом абсолютной пустоты.

— Лера! — Аня дернулась вперед, забыв про устав, стойку и безупречные пуговицы, но тяжелая стальная лапа автоматона опустилась ей на плечо, вминая ткань в ключицу с неумолимостью пресса.

Смолин аккуратно закрыл блокнот. Звук захлопнувшейся обложки прозвучал как выстрел в упор. Завуч подошел к настенному сейфу с гербом Дисциплинарной комиссии, повернул латунный диск кодового замка, опустил

тонкую тетрадь внутрь и захлопнул створку. Металл сошелся с глухим чмяканьем вакуумного уплотнителя.

— Подделка улик, порча имущества Запретного архива, вооруженное нападение на досмотровый конвой и попытка саботажа купола Арены, — перечислил Смолин, методично поправляя белоснежные манжеты. Голос его был абсолютно спокоен. — Совет факультетов единогласно утвердил обвинительное заключение. Ваши оправдания регламент исключает как юридически ничтожные. Но исключение из Академии было бы слишком мягкой мерой для столь масштабного мятежа.

Он подошел вплотную к стоящей на коленях Лере, носком начищенного сапога приподнял ее опустившийся подбородок и заставил смотреть на себя. Девушка дрожала мелкой, мучительной дрожью, из носа сочилась тонкая алая нить, но во взгляде еще тлело темное, несломленное бешенство.

— Завтра на рассвете состоится открытие Турнира, — сухо произнес завуч. — Академии нужен наглядный урок того, к чему приводит пренебрежение субординацией. Вы выйдете на арену первыми. В статусе штрафниц-мишеней. Без права на защитные чары, с заблокированными атакующими плетениями. Живые тренажеры для курсан-

тов старшего звена. Прекрасная иллюстрация того, как хаос неизбежно уступает место расчету. Уведите их в Нижний карцер.

Каменные мешки Нижнего карцера строили еще в эпоху Великого Раскола, когда провинившихся магов усмиряли не выговорами, а сырым холодом гранитных плит, пропитанных вытягивающим волю составом.

Лера сидела, привалившись спиной к шершавой, мокрой стене. Каждое дыхание отзывалось в затылке тупой,

пульсирующей болью, словно серебряные иглы ошейника продолжали медленно проворачиваться в ее костях. Но хуже боли была пустота. Внутри, где шестнадцать лет бурлил, клокотал и ярился расплавленный свинец ее стихии, теперь остался только выжженный, стылый колодец. Руки в разбитых перчатках казались чужими, ватными, бесполезными кусками плоти.

— Нас выпустят на круг, — монотонный голос из темного угла резал пространство с хирургической методичностью. — Через девять часов тридцать минут. В первой тройке против нас выставят тяжелых штурмовиков четвертого курса. Скорость сближения — четыре метра в секунду. Плотность огня — шесть компрессионных залпов в минуту. Без атакующих плетений среднее время удержания дистанции составляет сорок три секунды.

Аня сидела в противоположном углу, сжавшись в комок. Она обхватила руками худые колени, уткнувшись в них подбородком. Ее безупречная форма была покрыта пятнами копоти, на рукаве блейзера зияла рваная прореха, но страшнее всего были глаза — огромные, пустые, в которых механически щелкали невидимые шестеренки сломавшихся формул.

— Шанс избежать летального исхода при прямом попадании ударной волны без кинетического барьера — ноль целых три десятых процента, — продолжала Аня, глядя в глухую стену перед собой. Голос ее звучал как запись на заезженном валике фонографа. — Логика процесса завершена. Эксперимент признан провальным. Все системы дают отказ. Нас не существует, Смирнова. Нас стерли.

— Заткнись, — прохрипела Лера, с трудом отрывая затылок от камня.

— Пункт регламента номер...

— Я сказала, захлопни пасть, ботаник!

Лера заставила свои негнущиеся, онемевшие ноги двигаться. Цепляясь содранными ногтями за щели в кладке, на одних зубах, она проползла эти проклятые два метра, которые отделяли ее от напарницы. Руническая связка волочилась по соломе мертвой медной проволокой.

Она навалилась на Аню сверху, сгребла в кулаки воротник ее измятой белой блузки и с яростной, отчаянной силой встряхнула отличницу, впечатывая ее лопатками в стену.

— Хватит сыпать своими гребаными цифрами! — зарычала Лера прямо в расширившиеся зрачки Ани. Горячее

дыхание с привкусом меди ударило отличнице в щеку. — Хватит прятаться за своими параграфами, когда нам ломают хребет! Ты думаешь, он победил?! Думаешь, раз он запер твои стихи в железную коробку, то тебя больше нет?!

Аня не сопротивлялась. Ее руки бессильно висели вдоль тела, а плечи казались пугающе тонкими под пальцами Леры.

— Ты не понимаешь, — едва слышно прошептала Аня, и в ее сухом тоне впервые прорезалась живая, содранная до мяса ткань боли. — Там было... всё. Всё, что я не могла сказать вслух. Мои расчеты гармонии, мои слова... Без них я просто набор формул из методички. Я пустая. А ты не можешь зажечь даже гребаную искру, чтобы согреть пальцы. Мы не сможем защититься. Математика не врет, Смирнова. Нам конец.

— Да плевать я хотела на твою математику! — Лера сжала воротник еще крепче, чувствуя, как от натуги трещат швы ткани. Ее трясло от бессилия, но в глубине зрачков полыхал тот самый чистый, не знающий законов огонь, который никакой Смолин не смог бы вытравить никаким серебром. — Я слышала твои рифмы, слышишь меня?! Они здесь!

Лера с силой ударила себя кулаком в висок, где пульсировала боль от игл:

— Твой четвертый ямб звучал в моей голове, когда мы разносили ту жестянку в туннеле! Он вел мои руки лучше любого боевого наставника! Ты заставила мой огонь танцевать по твоим гребаным нотам, Кузнецова! И никакой завуч с его ключами не сотрет это из моей памяти! За своих порву, вопросы есть?!

Она замолчала, тяжело переводя дыхание, не отпуская воротника блузки. Между ними было меньше пяти сантиметров. Лера видела собственное отражение в темных глазах напарницы — растрепанное, свирепое, упрямое до потери пульса.

Аня моргнула. Механическая остекленелость в ее взгляде треснула, пошла паутиной и осыпалась мелкими искрами. Медленно, с усилием перфекционистки, чей мир только что рухнул и должен быть собран заново из обломков, она подняла руку. Тонкие, испачканные сажей пальцы легли поверх забинтованного запястья Леры.

— Твоя техника безопасности, — хрипло, едва различимо произнесла Аня, и на мгновение в интонации прорезалась прежняя, острая, как скальпель, насмешка, — это абсолютная, не поддающаяся классификации катастрофа.

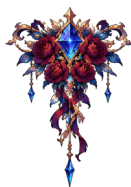

— Знаю, ботаник, — оскалилась Лера, чувствуя, как тепло чужих пальцев пробивает мороз серебряных игл. — Но другой у тебя нет.

Аня сделала глубокий, неровный вдох, расправляя плечи:

— К черту вероятности. Если мы выходим на арену мишениями... мы заставим их промахнуться.

За дверью карцера лязгнул тяжелый засов караульного расчета. До первого гонга оставалось восемь часов.

ГЛАВА 6

Цена сожженных черновиков

Холодный сквозняк подтрибунных тоннелей пах сырой известью, машинным маслом и близкой грозой. Восемь стражей в глухих шлемах держали дистанцию в

два метра — ровно столько предписывал параграф о конвоировании бунтовщиков высшей категории опасности. Рунические стволы их карабинов тускло фосфоресцировали лазурным светом, направленные прямо в грудь Ане и Лере.

Аня расправила плечи, стараясь игнорировать саднящую тяжесть цепи на запястье. Безупречная осанка оставалась ее последним бастионом, даже если манжеты блузки почернели от сажи, а форменный блейзер держался на трех уцелевших пуговицах. Рядом хрипло, размеренно дышала Лера: ошейник с серебряными иглами держал ее каналы намертво запертыми, но в походке хулиганки не было и тени покорности. Она шагала с видом человека, пришедшего поджечь этот цирк к чертовой матери.

— Шаг вправо — разряд на поражение, — сухо бросил старший конвоир сквозь забрало.

— Чисто теоретически, — отчетливо произнесла Аня, глядя прямо перед собой, — устав запрещает применять летальные плетения к студентам до официального вердикта дуэльного трибунала. Но признаю, ваша правовая безграмотность неизменно восхищает.

— Заткнись, штрафница, — карабин дернулся, ствол уперся Ане под ключицу.

— Эй, железка! Руки убрал! — рывкнула Лера, мгновенно качнувшись вперед всем корпусом, готовая боднуть стража плечом вопреки ноющему затылку.

Грохот ржавых колес заглушил ругань караульного. Из бокового штрека, скрипя несмазанной осью, выкатилась массивная инвентарная тележка, доверху нагруженная мешковиной, лопатами для уборки арены и треснувшими учебными манекенами. Толкала ее Софья Ракитина. Изумрудная вязаная шаль архивариуса съехала на одно плечо, очки в круглой оправе сидели на самом кончике носа, а из кармана бархатного балахона торчала закопченная медная масленка.

— Дорогу ветеранам архивного фронта! Поберегись, безмозглые оловянные солдатики! — зычно прокаркала Ракитина, нарочито неуклюже вильнув тележкой прямо под ноги передней паре конвоиров. Те едва успели отскочить, чтобы не лишиться начищенных сапог. — Развели тут парад, шагу ступить некуда пожилой женщине с ревматизмом! Смолин им, видите ли, приказал! Тьфу!

— Женщина, назад! Закрытая зона досмотра! — взревел сержант.

— Сам ты женщина, недоучка с четвертого курса! — парировала Ракитина, с размаху водружая на край тележки

эмалированный чайник и тяжелую жестяную кружку. От нее шел густой, терпкий пар, пахнувший смолой, хвоей и жженым сахаром. — У этих арестанток по регламенту положен водопой перед показательной экзекуцией. Или вы хотите, чтобы они потеряли сознание от обезвоживания прямо на глазах Попечительского совета? Какой позор для Академии! На, пей, горе мое луковое.

Она с силой всунула обжигающую кружку прямо в руки оторопевшей Ане, заслонив девочек от конвоя широким корпусом и подолом своего платья.

— Меньше пафоса, девочки, глотайте быстрее, — про-
бормотала Софья, ее тон мгновенно сменился на тихий, собранный шепот, а скрипучий голос потерял напускную сварливость. — Пыль веков врать не умеет, а вот завуч ваш — первостатейный лжец.

Аня поднесла кружку к губам, притворяясь, что пьет горькое можжевеловое варево. Сквозь мутную горячую жидкость пальцы нащупали на дне тонкий металлический диск. Она сжала его в ладони, аккуратно прижав к краю посуды, опустила взгляд.

На латунной пластине размером с карманные часы была выбита тончайшая сеть рун — схема байпаса, дубли-

рующая контур центрального распределительного кристалла под песком арены.

— «Омонимия» завязана на главный рунический шпиль, — одними губами прошептала Ракитина, пока стражники пытались обойти тележку. — Но просто расколоть его вы не сможете — печать Смолина поглощает прямую кинетику. Нужен эмоциональный диссонанс колоссальной силы. Чистейший парадокс, слышите меня? Созидание должно ударить из ярости, а Разрушение — из любви. Иначе отвар не сорвет блокировку с ошейника. Добавьте в свой спор сахара, бестолочи.

— Что вы несете?.. — выдохнула Аня, пряча латунную пластинку под широкий кожаный наруч с перьями.

— Назад! — старший конвоир наконец отпихнул тележку Ракитиной, тяжело лязгнув металлом о металл. Второй схватил Аню за плечо, выворачивая руку и заставляя выронить пустую кружку на каменный пол. — Разговорчики закончены! В шлюз, обе! Живо!

Ракитина отступила на шаг, поправляя шаль. Сквозь круглые стеклышки ее очков блеснул ледяной, абсолютно трезвый рассудок прежней главы кафедры. Она едва заметно подмигнула им, поднимая указательный палец:

— Держите рифму, Кузнецова. И шнуры подтяните.

Тяжелая решетчатая перегородка позади них с лязгом упала, отсекая коридор, Ракитину и любой путь к отступлению. Впереди оставался только узкий наклонный тоннель, ведущий на арену, откуда уже доносился низкий, вибрирующий гул десятков тысяч возбужденных зрителей.

Шлюз перед выходом на песок казался ледяным колодцем. Здесь конвой остановился, опустив карабины: по ту

сторону ворот законы Академии уступали место правилам Колизея. Нарушительницы должны были выйти к барьерам одни.

Аня стояла неподвижно, уставившись в тяжелые кованые створы, за которыми начинался солнечный ад. Ее пальцы мелко, предательски дрожали. Вся выверенная система защит, параграфов и формул, которую она возводила годами, словно крепостную стену против чужой глупости и собственной уязвимости, осыпалась песком. Мысль о том, что через пару минут волна «Омонимии» выжжет из ее головы строфы, мысли, саму ее суть, превратив в пустоглазую послушную куклу, сковывала легкие круче любого мороза.

Внезапно ее ладонь обожгло шершавой кожей.

Лера перехватила ее ледяные пальцы своей разбитой перчаткой без пальцев и сжала — коротко, бешено, до хруста суставов, возвращая Аню из надвигающегося кошмара в жестокую, осязаемую реальность.

— Смирнова, — попыталась выдавить Аня, отчаянно цепляясь за привычный стерильный тон, но связки подвели: голос надломился, выдав жалкий, почти детский всхлип. — Пункт устава тринадцать дробь два... запрещает тактильный контакт в предстартовой зоне без...

— Заткнись ты ради всех святых, — глухо выдохнула Лера.

Она рванула напарницу за руку на себя, сокращая дистанцию до нуля, и впечаталась своим лбом прямо в лоб отличницы. Глаза в глаза. Золотисто-зеленые искры против темной глубины. Лера тяжело дышала, со лба у нее капилась капля пота, смывая копоть, а на переносице белел грязный пластырь, но в челюсти застыло такое первобытное, несокрушимое бешенство, что у Ани перехватило дух.

— Мы не друзья, мы вынужденная коллаборация, помнишь? — прорычала Лера прямо ей в губы, яростно ухмыляясь сквозь боль от игольчатого ошейника. — Так вот, слушай сюда, мой личный ночной кошмар. Никто не имеет права копать в твоих мозгах, кроме меня. Никакой седой завуч, никакие его консервные банки и ни один урод на этих трибунах не смеет стирать то, кем ты являешься. Поняла меня?!

Аня судорожно кивнула, не в силах оторвать взгляд от диких, живых глаз напротив.

— Мы выйдем туда и разнесем этот стадион на куски, — Лера не разжимала хватки, их дыхание смешивалось в одно облачко пара на промозглом ветру шлюза. — Ты будешь читать свои стихи так громко, чтобы у них барабан-

ные перепонки лопнули. А я буду бить. И только попробуй забыть меня после этого, ботаничка, — я тебя с того света достану.

Руническая связка на их запястьях, секунду назад висевшая холодной мертвой петлей, вдруг налилась плотным, тягучим жаром. Никаких уставных формул, никакой академической латыни — цепь запела низким, органичным басом, поглощая ярость Леры и безумную, отчаянную решимость Ани. Игольчатый ошейник на шее хулиганки издал тонкий жалобный писк, словно металл не выдерживал внутреннего напора магии, пробуждающейся назло всем блокираторам.

Где-то под сводами ударил колокол. Глухой бронзовый звон расколол тишину шлюза, возвещая начало кровавого праздника.

Механизмы взвыли натужным скрипом. Многотонные решетки арены с грохотом взмыли вверх, выпуская девушек под оглушительный, сотрясающий ребра рев переполненных трибун прямо в прицел нависшего над центром серого монолита.

ГЛАВА 7

Симфония чистого пламени

Солнечный свет хлестнул по глазам, пахло сухим известняком, перегретым песком и ревом многотысячной толпы. Овальная чаша арены бурлила, как котло-

ван с кипящей смолой. Трибуны вздымались ярусами к лазурному небу, пестрели знаменами факультетов, но ни о каком празднике речи не шло: с противоположного края песчаного круга, взрывая грунт коваными сочленениями, уже неслись три тяжелых автомата. Шестиногие стальные туши, отлитые из матового оружейного чугуна, выставили вперед полторные клинки-манипуляторы. На лобовых щитах тускло горели вытравленные литеры личной гвардии ректората.

На центральной трибуне, возвышаясь над застывшими фигурами членов Попечительского совета, стоял Смолин. Тонкие пальцы в безупречных белых перчатках медленно, с механической плавностью подняли над головой массивный друзовидный кристалл дымного кварца — «Омонии». Артефакт пульсировал мутным, призрачно-серым свечением, от которого рябило в глазах.

— Прискорбное отсутствие самообладания, — сухо разнесся над стадионом усиленный акустическими рунами голос завуча, холодный и ровный, словно стук метронома. — Нарушители дисциплины подлежат окончательному изъятию из учебного процесса.

— Ага, разбежался, старый хрыч, — сплюнула Лера сквозь зубы.

Серебряные иглы ошейника жгли кожу затылка ледяным ядом, не давая выпустить во внешний контур ни единой искры пламени, но ярость внутри клокотала так, что плавились мысли.

— Держись за мной и ковыряй свою железяку! — гаркнула Лера Ане, не оглядываясь.

Передний автоматон шел на таран, вздымая фонтаны рыжей пыли. Лера рванула навстречу, пригнулась под свистнувшим в воздухе клинком, пропуская лезвие в паре миллиметров над макушкой, и на полной скорости ушла в скольжение по песку. Правый шарнир механической твари оказался прямо перед ней. Без магии. Только инерция, злость и тяжелая латунь кастетов, вшитых в ударную часть перчаток.

— Жри, жестянка!

Она вколотила кулак в коленный сустав со всей дури, вкладывая в удар плечо и корпус. Зубчатая передача хрустнула, брызнув вонючим черным дегтем. Металл смялся, содрав кожу на костяшках Леры сквозь лопнувшую перчатку до кровоточащего мяса, но шестиногая громадина споткнулась, накренилась и с глухим металлическим грохотом пропахала песок носом.

Лера пружиной вскочила на ноги, уходя перекатом от клешни второго механизма. Левая связка с Аней натянулась струной, обжигая предплечье чистым жаром: Аня не отставала ни на шаг, лихорадочно орудуя стилусом по латунной пластине Ракитиной, выискивая нужную руну перехвата.

— Мне нужно еще двадцать секунд! — крикнула Аня, ее голос дрожал от напряжения, но пальцы выводили на металле черкающие, безупречно прямые линии.

— Получишь десять, если не перестанем вертеться! — отмахнулась Лера, уворачиваясь от косого рубящего выпада третьей машины. Острые распорол рукав форменного блейзера, полоснув по бицепсу тонкой алой полосой. Лера даже не поморщилась: боль лишь добавила азарта, выжигая остатки страха.

Она закрутила корпус, поднырнула под второй клинок и с размаху вогнала шип армейского ботинка в открытый пневматический клапан на брюхе автомата. Раздался свистящий хлопок сжатого пара, машину затрясло, и она замерла, окутавшись едким белым дымом.

В этот миг гул трибун оборвался. Не стих — захлебнулся.

Лера вскинула голову. Кристалл в руках Смолина раздулся пепельным туманным пузырем. От артефакта во все стороны ударила тяжелая, беззвучная серая волна. Она прокатилась по амфитеатру со скоростью сорвавшейся лавины, сметая цвета, звуки и живые порывы ветра. Студенты на скамьях застыли, словно соляные столпы. Знамена обвисли. Лица судей превратились в гладкие, безжизненные маски, а глаза подернулись белесой пленкой абсолютного, стерильного послушания. Ни единого шороха. Десятки тысяч людей сидели неподвижно, превращенные в пустые глиняные сосуды.

— Регламент исключает импровизацию, — произнес Смолин с высокой галереи. Его стеклышки очков блеснули мертвым серебром. — Порядок требует жертв.

Он медленно опустил руки, перенаправляя верхушку дымного кварца вниз.

Прямо на Аню.

Серый монолитный луч, плотный, как могильная плита, сорвался с острия «Омонимии». Воздух застонал от вакуумного всасывания; луч нес в себе не огонь и не кинетическую силу — он нес стирание памяти, выжигание всякого «я», вечную, покорную тьму.

Аня замерла, вскинув латунную пластину, но контур защиты еще не замкнулся. В ее расширенных темных зрачках отразилась надвигающаяся бездна.

Лера не думала. Мыслить правилами и категориями риска — это привилегия отличниц. Лера просто оттолкнулась разбитыми ботинками от утрамбованного песка и швырнула себя наперерез.

— Аня!

Серый луч ударил ей в грудь с глухим перестуком крошащихся костей.

Мир выцвел до известковой белизны. В голове не осталось ни звуков арены, ни собственного дыхания — только чудовищный, леденящий скрежет, сдирающий пласт за пластом воспоминания: солнечную пыль на школьной лестнице, запах старых чернил, вкус ворованной клюквы, наглый блеск насмешливых карих глаз напротив.

Игольчатый ошейник затрещал, накаляясь до белого каления, серебряные иглы глубже впились в плоть. Лера закричала — хрипло, сорванно, выплескивая в это звериное «нет» всю ярость живой души, отказывающейся становиться пустой куклой.

Ноги подкосились. Песок стремительно рванул навстречу. Перед тем как веки налились свинцом, она почувствовала, как чьи-то дрожащие, тонкие руки поймали ее у самой земли.

— Лера! Смирнова, слышишь меня?! Не смей, слышишь, не смей!..

Аня опустилась на колени, судорожно прижимая к себе обмякшее тело. Ладони пачкались в саже, копоти и темной крови, сочившейся из-под раскаленного обода ошей-

ника. Кожа Леры стремительно остывала, становясь пугающе сердитой, пергаментной; под закрытыми веками застыли серые тени артефакта, высасывающего искру жизни каплю за каплей. Пульс под пальцами бился через раз — тонкий, угасающий, как затихающий маятник сломанных часов.

На трибунах царило кладбище. Смолин стоял на краю ложи, наблюдая за ними с высоты своего безупречного, стерильного величия.

— Бесполезный эмоциональный порыв, — монотонно бросил он вниз. Серый туман вокруг кристалла сгущался для повторного импульса. — Она спасла вас на несколько мгновений, Кузнецова. Примите неизбежное. Идеальная структура не терпит изъёнов.

Аня медленно подняла голову. Внутри нее, в том самом аккуратном, рассортированном по параграфам пространстве, где шестнадцать лет царил ледяной контроль, что-то с оглушительным звоном треснуло. Словно витраж разбился о гранитный пол. Страх показаться смешной, боязнь не оправдать чужих надежд, привычка прятать уязвимость за циничными усмешками — все это разом обратилось в прах. Осталась только выжженная, чистейшая,

слепающая ярость. И хриплый шепот угасающего дыхания на коленях.

«Созидание должно ударить из ярости, — звучал в памяти скрипучий голос Ракитиной. — А Разрушение — из любви».

Аня осторожно уложила голову Леры на песок, поднялась во весь рост и расправила плечи. Разорванный манжет, перепачканное сажей лицо, горящая огнем золотая вязь на запястье. Она прижала ладонь к горлу, коснувшись руны голосового резонанса, и сделала вдох — глубокий, расправляющий ребра до боли.

Ее блокнот со стихами остался в сейфе. Но каждая строчка, выстраданная бессонными ночами у керосиновой лампы, была выжжена у нее на сетчатке.

— *Не проси у глухого гранита пощады и сна!* — зазвонел ее голос над ареной.

Он не был тихим или сдержанным. Он взлетел под самый купол, чистый, медный, бьющий наотмашь, как удар набатного колокола. Подавленная толпа вздрогнула; по рядам оцепеневших студентов прошла рябь.

— *Если небо молчит — значит, песня твоя не слышна!*

Разорви этот морок, сожги неподвижный покой —

Пусть огонь отзовется на зов непокорной рукой!

Слова ложились в чеканный, железный ритм четвертого ямба. Воздух вокруг Ани вспыхнул. Никаких учебных плетений, никаких заученных диаграмм — вокруг ее пальцев закружились вихри пронзительно-синего, ослепительного пламени. Это была магия чистого созидания, рожденная из первобытной, беспощадной злости на этот стерильный серый мир, посмевавшийся тронуть ее человека.

Связка между их руками взвыла на пределе слышимости. Золотая нить превратилась в ревущий кабель белого света, вливая хлещущую энергию стихов прямо в безжизненное тело Леры.

Ошейник на шее хулиганки не выдержал чудовищной перегрузки: серебряные иглы брызнули в стороны крошечными искрами, замок лопнул, и металлическое кольцо с грохотом отлетело на песок.

Глаза Леры распахнулись.

Они больше не были зелеными — они полыхали первозданным, расплавленным янтарем.

— Какая... восхитительная... рифма, ботаник, — сипло, с булькающим смешком выдохнула Лера, рывком поднимаясь на одно колено. Она сплюнула на песок кровь и оскаллилась в дикой, совершенно безумной ухмылке. — Моя очередь держать такт!

Лера ударила кулаками друг о друга. Латунные кастеты высекли сноп багровых искр. Ее магия — дикая, клокочущая, не признающая рамок — вырвалась на свободу, подхваченная идеальным ритмом Аниных строк. Но в этом пламени не было ненависти. В нем было то яростное, бесшабашное тепло, ради которого бросаются под пули и клинки, не требуя ничего взамен.

— За своих порву! — взревела Лера, вскидывая раскрытые ладони к ложе завуча. — Вопросы есть?!

Два потока встретились над центром арены.

Лазурный клинок Аниного яростного созидания и багровый вал Лериного разрушительного тепла сплелись в единый жгут, закручиваясь в ослепительную бело-золотую спираль. Несовместимые стихии больше не отталкивались — они пожирали сопротивление пространства, умножая силу друг друга на каждом обороте идеальной поэтической строфы.

Смолин в панике вскинул кристалл, пытаясь выставить серый щит:

— Нарушение регламента! Прекратить...

Бело-золотой луч ударил в галерею с мощью падающего метеорита.

Звук разорвал стадион: не взрыв, а хрустальный звон разбивающегося зеркала вселенского масштаба. Дымный кварц «Омонимии» выдержал долю секунды, пошел глубокими радиальными трещинами и разлетелся на миллион сверкающих, крошечных брызг.

Серая пелена, накрывавшая трибуны, лопнула мыльным пузырем. В уши ударил оглушительный, захлебывающийся крик очнувшихся тысяч людей — крик ужаса, перешедший в нарастающий, громоподобный рев восторга. Смолина отбросило взрывной волной в глубину правительственной ложи; остатки его графитового величия скрылись в облаке штукатурки и латунных обломков.

Сверху медленно оседала сверкающая пыль.

Оба луча погасли.

Лера покачнулась, ноги подвели ее первыми, и она рухнула на колени, судорожно хватая ртом воздух. Рядом, не

удержав равновесия, осела на песок Аня. Ее безупречная осанка сдалась: плечи мелко вздрагивали от полного опустошения резерва, ладони были сожжены до волдырей, а на подоле форменной юбки дымились подпалины.

Они сидели посреди перепаханной арены, плечом к плечу, под дождем из мелких кварцевых искр и оглушительным громом аплодисментов, глядя друг на друга сквозь оседающую пыль.

ГЛАВА 8

Теория несовместимости

Ветер над пропастью драл подол куртки, пах талым снегом и озоном. Лера сидела на щербатом гранитном карнизе заброшенной астрономической теплицы, свесив тяжелые армейские ботинки в бездну. Внизу, на

сотни метров под подошвами, клубился вечерний туман, скрывая острые хребты Синих пиков. В пальцах перекачивалась сушеная клюква — кислая до сведения скул. Лера закинула ягоду в рот, довольно щурясь на багряный закат. Три дня. Ровно три дня прошло с того момента, как их совместная бело-золотая вспышка разнесла к чертям монолитное величие завуча, а школьный вестник все никак не мог захлебнуться собственным восторгом. Смирнова передернула плечами: репортеры с зачарованными блокнотами дежурили даже у входа в душевые, жаждая узнать «секрет синхронизации двух непримиримых стихий».

Деревянная дверь оранжереи скрипнула, нарушая хрустальный покой высоты.

Лера не обернулась. По выверенному, математически четкому ритму шагов она безошибочно узнала бы эту походку из тысячи.

— Если ты пришла зачитать мне выговор за несанкционированное нахождение на карнизе вне учебных часов, сэкономь слюну, Кузнецова. Я глуха для моралистов.

— Чисто теоретически, падение с такой высоты освободило бы меня от необходимости объяснять тебе основы парадигмы резонанса на следующем семестре, — раздался

за спиной суховатый голос. — Но отскребать тебя от ледника — занятие неэстетичное.

Лера оглянулась через плечо и присвистнула.

Аня стояла у порога. Ее темно-синий блейзер был вычищен и отутюжен с обычной маниакальной педантичностью, но верхняя пуговица белоснежной рубашки была расстегнута. Ткань свободно приоткрывала тонкую ключицу. Неслыханный, вопиющий бунт для человека, который еще месяц назад проверял симметрию галстучного узла штангенциркулем.

— Ого, — протянула Лера, откровенно пялясь. — Пуговица? Кто ты и куда дела мою любимую душную старосту?

— Заткнись, Смирнова, здесь банально жарко от грунтовых труб, — парировала Аня, подходя ближе и осторожно присаживаясь на теплый край парапета, правда, благо разумно подобрав ноги на карниз. — И вообще, прекрати жевать эту гадость. У тебя губы красные, будто ты сырое мясо ела.

— Это витамины, ботаник. Смотри и учись, как выживать без аптекарских микстур. — Лера протянула ей раскрытую ладонь с горстью сморщенных ягод. Аня помор-

щилась, но две штуки взяла, с ледяным достоинством отправив их в рот.

Снизу, из вентиляционного лаза под заржавевшим стеллажом, послышалась натужная возня, звон металла и сдавленное кряхтение. Спустя секунду оттуда, отплевываясь от паутины, вывалился Миша Голубев. Его рыжие кудри напоминали взъерошенное птичье гнездо, круглые очки сползли на кончик веснушчатого носа, а из расстегнутого кармана вельветовых брюк с тяжелым глухим стуком шмякнулся на каменную скамью пузатый холщовый мешок.

Горловина мешка развязалась, и на замшелый камень водопадом хлынули новенькие золотые империалы.

— Ставки сделаны, возврату не подлежат! — выпалил Миша тонким, срывающимся от перевозбуждения шепотом, затравленно озираясь на пустые арочные окна. — Пятьсот к одному! Вы понимаете, что вы наделали?! Пятьсот к одному на то, что вас обеих не испепелит на первой минуте! Штурмовики четвертого курса поставили на автоматов годовые стипендии! Тотализатор лопнул, казна трещит, я... я богаче начальника снабжения!

Лера расхохоталась, запрокидывая голову к розовеющим облакам:

— Голубев, ты неисправим. Тебя чуть не раскатали под колосниками, а ты считаешь медяки?

— Это не медяки, это чистый капитал! — Миша торопливо сгреб горсть звенящего золота и попытался сунуть его сначала Лере в карман, потом Ане в руки. — Берите! Это ваша доля! Без фамилий, естественно, по бухгалтерским книгам вы проходите как «Проект Камикадзе», но вы заслужили! Если ректорат узнает, меня тут не было, я вообще в лазарете лежу с фантомной чесоткой!

Аня с выражением глубочайшей брезгливости отвела Мишину руку кончиками пальцев:

— Спрячь этот металлолом, Михаил. Подпольные финансовые махинации с использованием институтской арены караются отчислением с волчьим билетом по параграфу сорок семь. И вообще, подбери слюни, ты пачкаешь историческую кладку.

— Да ладно тебе, Ань, дай парню порадоваться, — ухмыльнулась Лера, сгребая один империал и щелчком отправляя его в полет над пропастью. Монета блеснула в лучах заходящего солнца и канула в белизну тумана. Миша при виде этого едва не сполз по стенке, издав жалобный стон.

Тяжелые шаги возвестили о появлении четвертого участника заговора. В проеме теплицы возникла Софья Ракитина. Ее изумрудная вязаная шаль победоносно реяла на сквозняке, бархатная мантия была перепачкана мелом еще сильнее обычного, а в узловатых руках дымился старый закопченный жестяной чайник.

— Меньше пафоса, девочки, и спрячьте золото, пока я не конфисковала его на реставрацию рукописей двенадцатого века, — проскрипела она грудным хриплым голосом. Женщина тяжело опустилась на перевернутый деревянный ящик и водрузила чайник прямо между Лерой и Аней. Воздух наполнился густым, смолистым духом можжевельника и сушеной мяты. — Смолина отправили в бессрочную изоляцию в Северный острог. Совет ректоров три часа ломал стулья, спорил о чистоте академической линии, а потом... назначил исполняющей обязанности главы школы меня.

Лера присвистнула во второй раз:

— Вы теперь ректор? Серьезно? Нам конец. Нас заставят мыть весь архив зубными щетками.

— Пыль веков врать не умеет, Смирнова, — фыркнула Ракитина, разливая темный взвар по четырем помятым жестяным кружкам. — Но зубные щетки я оставлю для

старших инспекторов. А вам двоим... Совет пытался учредить две отдельные награды за ликвидацию ментальной угрозы. Вы же отказались выходить на церемонию поодиночке. Пришлось граверу материться сквозь зубы и выбивать ваши фамилии на главном кубке через тире. Смирнова — тире — Кузнецова. Или наоборот, какая разница.

Аня взяла обжигающую кружку обеими руками. Бинты на ее обожженных ладонях побелели на фоне темного металла.

— Разница принципиальная, Софья Аркадьевна. По алфавиту моя фамилия идет первой.

— Да брось, ботаник! — Лера толкнула ее плечом — не зло, а с той бесшабашной силой, от которой кружка в руках Ани плеснула паром. — Кузнецова-Смирнова звучит как двойная фамилия занудной графини. А вот Смирнова-Кузнецова — как марка тяжелого осадного оружия.

Миша осторожно пристроил свою кружку на стопку кирпичей, шмыгнул носом и пробормотал:

— Главное, чтобы на допросах не звучало. Я за вас молился всем шестеренкам механического пантеона.

Закатное солнце коснулось зубцов башен, окрашивая старый камень в цвет расплавленной меди. Холодный

горный ветер бил в лицо, но внутри разливалось терпкое можжевельное тепло. Лера вскинула свою кружку, глядя на Аню поверх края жести. В карих глазах отличницы больше не было ледяного презрения — только усталая, острая, как бритва, насмешливая ясность.

— За вынужденное сотрудничество? — криво ухмыльнулась Лера.

Аня еле заметно качнула головой, стукнув своей кружкой о Лерину с глухим металлическим звоном:

— Мы не друзья, мы вынужденная коллаборация.

Они выпили горький отвар залпом. И прежняя четырехлетняя вражда окончательно развеялась по ветру — мелким серым пеплом над заснеженными пиками.

Тишина Запретного архива Нижнего яруса была особенной. Она состояла из шороха осыпающейся сухой кожи фолиантов, медленного скрипа поворотных полок и запаха лавандового воска, которым Аня методично натирала дубовые панели. Часы с маятником мерно отсчитывали утренние минуты: тик, так, тик, так.

Аня стояла на шаткой деревянной стремянке, выравнивая корешки редких трактатов эпохи Реставрации строго по высоте и цвету тиснения. Идеальная прямая линия радовала взор, возвращая миру ощущение контроля и логики. Ладони под тонкими митенками почти зажили,

оставив лишь розоватые следы ожогов, которые Аня старательно прятала под манжетами блейзера.

Шурх.

Мягкий комок бумаги спикировал сверху и с безупречной траекторией врезался Ане точно в переносицу.

Стремянка опасно скрипнула. Аня замерла, медленно закрыла глаза, досчитала до трех, перехватила салфетку для полировки и опустила взгляд вниз.

У подножия стеллажа, развалившись на куче мягких бархатных мешков для переноски манускриптов, возлежала Лера. Ее ноги в неизменных грязных ботинках с неоновыми шнурками покоились на стопке пустых каталожных ящиков. В руках бунтарка вертела очередную сложенную стреловидную конструкцию, выдранную — Аня похолодела — прямо из формуляра учета посетителей.

— Смирнова, — ледяным шепотом, способным заморозить пламя керосинки, произнесла Аня. — Этот пергамент обработан квасцами в позапрошлом веке. Уничтожение архивного инвентаря — пункт девять дробь...

— Скучно, староста, — зевнула Лера, запуская самолетик в сторону бюста основателя школы. Тот описал красивую петлю и спланировал точно на каменную лысину

мыслителя. — Мы торчим здесь с восьми утра. Пыль я протерла, стеллаж восстановила, даже помогла Ракитиной перетащить ящики с можжевельником. Мой желудок сейчас начнет вырабатывать разрушительную стихию самостоятельно. Скажи мне, о великая поэтесса разрушения, ты включила в свой монументальный план спасения мира пункт об обязательной кормежке напарницы пирожками из буфета? Или герои питаются исключительно святым духом и твоим высокомерием?

Аня неторопливо спустилась со стремянки. Каждая ступенька отзывалась сухим щелчком. Поправив складки юбки, она подошла к рабочему столу, где среди груды перьев и чернильниц лежала ее кожаная сумка с серебряной пряжкой.

— Твой рацион меня не касается, Смирнова. Неуправляемый метаболизм — признак низкого самоконтроля.

— Ага, скажи это моим связкам, когда я в следующий раз буду вытаскивать твою педантичную тушку из-под обломков, — хмыкнула Лера, лениво потягиваясь всем телом.

Аня полезла в сумку. Ее пальцы нащупали гладкую, прохладную поверхность плотного переплета. Завуч Смолин так и не вернул ее старый блокнот — сейф в его каби-

нете оказался запечатан мертвой руной саморазрушения, и рукописи сгорели дотла при попытке вскрытия. Аня провела ночь без сна, глядя в потолок спальни, сжимая кулаки от бессильного гнева на уничтоженные строки, хранившие четыре года ее одиночества.

Она вытащила предмет на свет.

Это был новый блокнот — толстый, в переплете из черной зернистой кожи, с медными уголками и надежным латунным замочком. Ни единой царапины. Чистая, первозданная тяжесть ненаписанных страниц.

Аня подошла к мешкам и небрежно, словно ненужную тряпку, уронила блокнот прямо на грудь валяющейся Лере.

— Эй! — Лера дернулась от неожиданности, перехватывая увесистый том обеими руками. — Ты решила добить меня полиграфией? Что это?

— Бумага высшего сорта, пропитанная смолой лунного тиса. Не горит в боевом огне и устойчива к стихийным всплескам до четвертого ранга включительно, — отчека-

нила Аня, скрещивая руки на груди и отводя взгляд к пыльному витражу. Шея ее слегка порозовела. — Твой почерк омерзителен, но для фиксации базовых матриц сойдет.

Лера приподнялась на локте, с любопытством вертя блокнот. Пальцы в беспальных перчатках коснулись лицевой стороны переплета.

Там, прямо по центру тисненой кожи, каллиграфическим, безукоризненно ровным почерком Ани было выведено золотом:

«Теория несовместимости: полевые заметки Ани и Леры».

Лера моргнула. Перевела взгляд с золотых букв на Аню, чье лицо сейчас выражало предельную, почти оскорбительную невозмутимость статуи. Потом снова на обложку.

Тишину архива разорвал короткий, хриплый смешок, переросший в неудержимый, громкий хохот. Лера смеялась так, что ящики под ее ногами заходили ходуном, распугивая книжную моль.

— «Теория несовместимости»?! Кузнецова, ты неизлечима! Ты даже нашу дружбу умудрилась оформить как гребаный научный трактат!

— Это не дружба, это протокол полевых наблюдений, — ледяным тоном попыталась возразить Аня, но предательский мускул на щеке дрогнул, грозя сломать маску величия. — И прекрати ржать, ты нарушаешь режим тишины.

— Конечно, конечно, протокол! — Лера перевернула блокнот, щелкнула медной застежкой и открыла первую страницу.

Она замолчала на полуслове.

Смех сошел с ее лица, сменившись странным, непривычно мягким выражением. На форзаце, рядом с ровными чернильными строками начального заклинания резонанса, кривыми, размашистыми каракулями — тем самым нахальным почерком, которым Лера обычно расписывалась на стенах заброшенных классов, — чернела короткая фраза, оставленная ею еще вчера тайком в учительской:

«Только попробуй сдать этот мир без боя, ботаник».

Лера подняла глаза. Аня смотрела на нее сверху вниз — строгая, невыносимая, застегнутая на все пуговицы, кроме одной, с зажатым в пальцах пером и едва заметной, живой усмешкой на лице.

— На счет три? — тихо спросила Лера, захлопывая блокнот.

— На счет три, — согласилась Аня.

Раз. Два. Три.

Они синхронно закатили глаза к высокому сводчатому потолку архива — с тем идеальным, абсолютным взаимопониманием, которое не требовало больше ни заклинаний, ни уставов, ни пустых оправданий перед целым миром.

Благодарности

Эта книга никогда бы не ожила без тебя, Лера. Спасибо тебе за то, что подарила этой истории свое имя, свой взрывной характер, несгибаемое упрямство и ту смелость, которой мне самой порой не хватало. Мы делили с тобой олимпиадные бланки, яростно спорили из-за каждой запятой и каждого балла, но в итоге научились стоять спиной к спине перед любыми трудностями. Спасибо и мне — за терпение, блокноты со стихами и веру в то, что даже лед и пламя способны зазвучать в унисон. Все остальные герои, интриги и древние архивы — чистая выдумка, но наше с тобой нерушимое партнерство абсолютно настоящее.

Аня ✨

Теория несовместимости

Автор: **Аня**

Написано для Леры — соперницы по олимпиадам и
лучшей подруги

Октябрь 2026

